

могала, если была надобность. Неизмѣнно посѣщала она церковь, да изрѣдка навѣщала родныхъ; съ годами ослабѣвала память и интересъ къ настоящему—все осталось уже позади, въ прошломъ, и все ярче изъ этого прошлаго выдѣлялись годы ранней молодости—Институтъ.

Недѣли за три до смерти С. М. постепенно стала слабѣть, спать все больше и больше, почти не принимая пищи и уже почти не вставая съ постели. Родственники послѣдніе дни дежурили у нея; она была особорована и не разъ приобщалась Св. Таинъ. Подъ конецъ она уже плохо узнавала окружающихъ, но много молилась, иногда повторяя: „Господи, благослови моихъ дѣтей“. 10 февраля, въ 3 ч. 20 м. дня ея не стало, а 12-го состоялись похороны; отпѣваніе въ приходской Христорожественской церкви совершали нѣсколько священнослужителей, во главѣ которыхъ былъ престарѣлый братъ почившей—прот. Ѳ. М. Ловцовъ, котораго связывала съ С. М. всю жизнь самая нѣжная дружба. На рукахъ внуковъ почившей прахъ ея былъ отнесенъ на Смоленское кладбище Троицкой Лавры, гдѣ и былъ преданъ землѣ у самой границы съ академическимъ кладбищемъ, по завѣщанію покойной, противъ того мѣста, гдѣ покоится тѣло ея супруга.

II. К.

II.

Памяти Федора Евгеньевича Корша.

Годъ прошелъ со смерти Федора Евгеньевича Корша, но еще странно представить себѣ, что опустѣла старомодная и холодноватая квартира въ глухомъ Ушаковскомъ переулкѣ, гдѣ по воскресеньямъ Федоръ Евгеньевичъ принималъ разнообразное общество. Здѣсь можно было встрѣтить и важнаго профессора восточныхъ языковъ, и заѣзжаго провинціального актера, и украинца. Въ гостиной Корша можно было услышать всѣ языки Европы и Азіи... Какъ сейчасъ вижу Федора Евгеньевича: маленькій старичокъ, безъ крахмальнаго бѣлья, голова дрожить отъ старческой слабости, но небольшіе голубые глаза свѣтятся острымъ умомъ, шуткой и безконечнымъ добромъ. Этотъ маститый ученый, говорившій на всѣхъ языкахъ, отличался скромностью, простотой и незлобіемъ ребенка. Двери его были открыты для всѣхъ, и

всѣ уходили отъ него, получивъ добрый совѣтъ и утѣшеніе.

Коршъ совмѣщаль въ себѣ рѣдко соединяемыя качества: глубокую научную эрудицію и живое поэтическое воображеніе, любовь къ красотѣ античнаго міра и христіанскій идеализмъ и доброту. Специальностью Корша была собственно латинская поэзія и, конечно, она была основой его ума и психики. Особенно цѣнили онъ Катулла и Горация и цитатами изъ нихъ пересыпаль свою рѣчь. Въ отношеніи содержанія *Θ. Е.* цѣнили римскую элегію, какъ начало романтизма, начало новое для эллинскаго міра. Въ отношеніи формы онъ ставилъ выше всѣхъ Горация (въ чемъ совпадалъ съ Ницше), цѣня въ немъ смѣлость и оригинальность выраженій. Наоборотъ, Овидія онъ ставилъ невысоко, находя въ немъ чрезмѣрную легкость и гладкость стиля. Но не менѣе глубоко, чѣмъ латинскую, зналъ Коршъ и поэзію греческую, и поэзію Востока, и новую европейскую поэзію. Изъ русскихъ поэтовъ онъ болѣе всѣхъ любилъ Пушкина. Разбору метрики Пушкина онъ посвятилъ обширное изслѣдованіе. Въ Пушкинѣ привлекала его, какъ близкая Горацию, красота формы, такъ и, родственная самому Коршу, душевная простота и сердечное отношеніе къ людямъ и міру. „Здоровый идеализмъ“—такъ опредѣлялъ Коршъ поэзію Пушкина, въ противоположность болѣзненной сантиментальности нѣкоторыхъ романтиковъ и олимпійскому отчужденію отъ людей у Гете.

Θ. Е. былъ по преимуществу лингвистъ и метрикъ и съ этихъ точекъ зрѣнія преподавалъ классическую филологію. Но съ большой ироніей относился онъ къ тому филологическому направленію, которое сводитъ все къ одной лингвистикѣ, игнорируя художественное значеніе разбираемыхъ текстовъ. „Теперь Гомеръ—жертва лингвистовъ“, говариваль онъ. „Чтобы быть хорошимъ филологомъ необходимо быть поэтомъ“. Свой идеаль поэта, какъ безкорыстнаго, бездомнаго и нищаго служителя красоты, выразилъ онъ въ слѣдующемъ стихотвореніи, гдѣ онъ мастерски воспользовался трудной формой глоссы:

Что мы слышимъ о Гомеръ?
Онъ терпѣлъ подъ старость голодъ;
Зналь Овидій въ Понтѣ холодъ.
На людскомъ провѣрь примѣръ:

Намъ свидѣтель Алигieri,
 Какъ судьба пѣвцовъ караетъ;
 Всякій, кто стихи марааетъ,
 Пусть припомнить о наградѣ
 Донъ-Кихоту, Лузіадѣ...
Глухъ, кто рюхы подбираетъ.

Въ пѣсни польза намъ какая?
 Что Петрарки, что намъ Тассы?
 Признается безъ прикрасы
 Встарь и нынѣ черя тупая.
 Кто блаженствуетъ, внимая
 Отъ народнаго баяна,
 Какъ мы бвли Оттомана?
 Кто къ родной приверженъ лирѣ,
 Книжки „Пчелки“ чтить четыре,—
Смѣхъ на этого Фолвана!

Съ коробкомъ торговецъ бродить,
 Лишь въ свое проворство вѣрнть,
 Полотно и ленты мѣрнть,
 Глядь—уже домъ себѣ заводить.
 Пусть въ Китай поэтъ уходитъ,
 Пусть, идетъ до Океана,
 Пусть, божественнаго саиа
 Увлеченъ мечтой напрасной,
 О дѣвицѣ грезить красной,—
Вѣчно жертва онъ обмана.

Но поэтъ при всемъ онъ этомъ:
 Быть вы можете богаты,
 Покупать себѣ палаты,
 Хоть зимой въ нихъ жить, какъ лѣтомъ.
 вмѣсто хранинъ, надъ постомъ
 Небо кровь свой простираетъ,
 Въ солнцѣ золотомъ играетъ
 Серебро на травкѣ влажной.
 Ими счастливъ, онъ отважно
Голь живетъ и умираетъ.

Съ чувствомъ благоговѣнія относился къ Коршу извѣстный поэтъ и переводчикъ латинскихъ поэтовъ Фетъ. Посвящая Коршу переводъ элегій Тибулла, Фетъ называетъ Корша „стоящимъ у входа въ блаженный Елисей“.

„Взглянувъ на ширь долины алачной,
 Никто не цѣнить такъ, какъ ты,
 Всей этой прелести прозрачной,
 Всей этой легкой простоты.

Вотъ почему, смирясь душою,
Тебя о милости прошу
И неувѣренной рукою
Вѣнки Тибулла подношу.

Поднося Коршу 3-й выпускъ „Вечернихъ огней“, Фетъ говоритъ:

Камеиъ иетлѣнныя созданья
Душой усвоивъ до конца,
Прослушай волчьи завыванья
Гиперборейскаго цѣвца.

Коршъ перевелъ на латинскій языкъ гораціанскими размѣрами стихотворенія Пушкина „Поэтъ и герой“ и „Пока не требуетъ поэта“ и такимъ образомъ какъ бы возвелъ эти стихи къ ихъ первоисточнику, ибо у самого Пушкина они вызваны были проникновеніемъ въ латинскую поэзію.

Коршъ оставилъ не много трудовъ. Главныя его сочиненія „О сатурнинскомъ стихѣ“, о метрикѣ Пушкина и о римской элегіи. Упорная кабинетная работа была не въ натурѣ Корша, который предпочиталъ изучать, а не творить, и слишкомъ самоотверженно отдавалъ себя людямъ и живымъ современнымъ интересамъ. Часто жаловался онъ на невозможность замкнуться въ одну область научнаго знанія, въ виду того, что русская жизнь и наука требуютъ не специализаціи, а одновременной работы во многихъ направленіяхъ. Послѣдніе годы Коршъ совершенно забывалъ древнихъ музъ для дѣлъ украинскіихъ. Коршъ относился къ украинскому движенію тепло и со вниманіемъ, стараясь разрѣшать спорныя вопросы украинства на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ филологіи. Украинцы всегда встрѣчали у него ласковый пріемъ.

Любовь къ античному міру не заглушала въ душѣ О. Е. христіанскихъ идеаловъ. Всѣмъ общественнымъ идеаламъ противопоставлялъ онъ идеаль „царствія Божія“, но отрицательно относился къ эллинизациі христіанства, находя ее искаженіемъ ветхозавѣтныхъ основъ религіи богочеловѣчества. Научная школа, основанная Коршемъ, не умерла. Его традиціи хранятся его непосредственнымъ ученикомъ профессоромъ А. А. Грушка. Пусть хранится въ памяти нашей и нравственный образъ Корша. Богатые дары своего ума онъ не сдѣлалъ орудіями матеріальныхъ интересовъ. Получивъ отъ Бога свой рѣдкій „даръ языковъ“, онъ не зарылъ своего

таланта въ землю, онъ расточилъ его на живое дѣло добра. Гуманизмъ не остался въ немъ мертвой традиціей. Облагораживающее вліяніе красоты вносилъ онъ въ смуту и хаосъ современной жизни. И если онъ не оставилъ по себѣ груды тяжеловѣсныхъ трудовъ, то весь его жизненный путь далеко свѣтилъ работникамъ римско-славянской культуры. Федоръ Евгеніевичъ Коршъ въ рѣдкой гармоніи сочеталъ въ себѣ одаренность ума, чувство красоты и человѣколюбіе. Чутко уловивъ первое дыханіе романскаго генія въ мятежныхъ стихахъ Катюлла, онъ привѣтствовалъ расцвѣтъ романизма въ нашей національной поэзіи Пушкина. Пониманіе романтическаго начала привело его и къ справедливой оцѣнкѣ украинскаго романтизма, слишкомъ грубо отмечаемаго представителями „трезвой“ и безъидеальной политической доктрины.

Священникъ Сергій Соловьевъ.
